

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и Секретаря Отдѣленія А. Н. Самойловича.

Выпуски II—III

Годъ XVIII

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1909

Аборигены о. Сахалина.

О. Сахалинъ въ настоящее время, какъ и въ моментъ первого появленія на немъ русскихъ и даже японцевъ, былъ заселенъ рѣдкимъ населеніемъ трехъ туземныхъ племенъ: гиляковъ, ороковъ и айновъ. Первые русскіе путешественники по Сахалину, Лопатинъ, Поляковъ и другие, нашли обильные слѣды существованія еще одного неизвѣстнаго, вымершаго или исчезнувшаго, племени, которое было знакомо лишь съ каменными орудіями, но владѣло также искусствомъ горшечнаго производства.

Со словъ айновъ этотъ легендарный народъ стали называть „тонцами“.

Остатки землянокъ и найденные возлѣ нихъ шлифованныя изъ камня орудія (топоры, стрѣлы, наконечники копій), а также черепки глиняныхъ горшковъ или даже цѣлые глиняныя посудины, раковины, кости морскихъ и сухопутныхъ животныхъ ждутъ еще свѣдущаго изслѣдователя-археолога.

Пока же вопросъ о первобытномъ населеніи Сахалина темень и мало разъясненъ, позволю себѣ въ добавленіе къ тому, что уже высказано было по этому вопросу другими изслѣдователями, привести тѣ свѣдѣнія, которыхъ мнѣ лично удалось собрать въ видѣ преданій о таинственномъ племени „тонци“ и высказать свои собственные соображенія о древнѣйшихъ обитателяхъ о. Сахалина.

Гиляки и орохи, по ихъ собственному признанію, явились на приманившій ихъ своими богатствами островъ позже айновъ и застали здѣсь ихъ однихъ. Поэтому разбросанныя по долинамъ рѣчекъ и даже по пологимъ склонамъ холмовъ „ямки“, очевидная планомѣрная выемки руки человѣка, пришельцы приписывали уже жившему тамъ племени бородатыхъ айновъ. Гиляки называютъ эти ямы „куги рулькусъ“, т.-е. ямы айновъ, или „куги мрольф таф тульк“, т.-е. аинскихъ старыхъ жилищъ углубленія. Нѣкоторые же изъ гиляковъ готовы признать въ этихъ ямахъ слѣды жилищъ своихъ собственныхъ предковъ.

Ороки называли мнъ ямы тонцей „куи горопци нанда“, т.-е. старая аинская жилья. Что же касается свѣдѣній о тонцахъ, то про нихъ я слышалъ лишь отъ гиляковъ изъ окрестностей Нийского залива. Одинъ изъ гиляковъ этого района рассказалъ мнъ слѣдующее: „Тонци жили въ горахъ около какихъ-то горныхъ озеръ. Чувствовали они большой недостатокъ въ женщинахъ, поэтому похищали ихъ у айновъ, жившихъ у моря. Изъ-за женщинъ айны вели съ тонцами ожесточенные войны, которые совсѣмъ уничтожили это племя“.

Относительно черепковъ горшечной посуды, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ, гиляки высказываются двояко. Одни приписываютъ эти обломки „миф-вани“ (земляные котлы) древнимъ айнамъ, другіе же предполагаютъ, что въ старину предки ихъ, вещь возможная, дѣлали сами посуду изъ глины, пока не знали желѣзныхъ и чугунныхъ котловъ, пріобрѣтавшихся у японцевъ и маньчжуроў.

Каменные же топоры и другія кремневыя орудія падають, по убѣжденію гиляковъ, съ неба при ударѣ грома.

Въ 1905 г. при проѣздѣ черезъ Николаевскъ на Амурѣ я встрѣтился съ нѣсколькими материиковыми гиляками, которые мнѣ подтвердили, что и у нихъ называютъ каменные топоры топорами грома („лый тух“). Попадающіеся вдоль Амура черепки горшковъ считаютъ остатками китайской посуды. А относительно углубленій въ земль, нерѣдкихъ въ районѣ ихъ жительства, или ничего не могли сказать, или предполагали, что эти „тулькусы“ — слѣды землянокъ ихъ предковъ, которые когда-то, очень давно, не дѣлали теперешнихъ большихъ домовъ маньчжурского типа, а удовлетворялись однѣми землянками. Отъ одного же гиляка изъ с. Маги (возлѣ Николаевска) услышалъ я характерный разсказъ про эти старые гиляцкія ямки. Привожу его дословно такъ, какъ говорилъ мнѣ разсказчикъ, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ:

„Давно здѣсь на Амурѣ появился русскій ли, чертъ ли и убивалъ народъ. Пугаетъ такъ. Пришли они на большой лодкѣ, на баркасѣ что ли. Только по маленькой протокѣ ходить не могли. Гиляки тогда туда по малымъ рѣчкамъ разбѣжались, построили тамъ землянки и прожили тамъ зиму или больше. Потомъ назадъ вернулись къ большому Амуру. Называли этихъ людей „кинысъ“.

Тамъ же, въ Николаевскѣ, случайно встрѣченные три гиляка на вопросъ о тонцахъ отвѣтили мнѣ, что на Сахалинѣ, въ Лер (т.-е. Сахалинъ по гиляцки), живетъ народъ „тозюн“,

похожій на тунгусовъ и на ороковъ. Языкъ тозюн схожъ съ орокскимъ. Откуда пришли они на Сахалинъ, не знаютъ. Пробѣрить эти слова или получить отъ другихъ гиляковъ болѣе подробная свѣдѣнія объ этихъ тозюн, къ сожалѣнію, такъ и не удалось мнѣ, такъ какъ уже болѣе я въ этихъ мѣстахъ не былъ. Но не могу не упомянуть здѣсь объ этомъозвучномъ съ „тонци“ названіи. У айновъ нѣтъ звука „з“, и они замѣняютъ его „ц“, напр., гилякское слово „ызин“ выговариваютъ „оцён“, русское „зима“ — „цима“ и т. п. Буква же „н“ часто вставляется айнами для благозвучія.

Айны относительно ямъ, слѣдовъ многочисленныхъ землянокъ, не даютъ такихъ сбивчихъ показаній. Каменныя орудія, обломки глиняной посуды приписываются жившимъ здѣсь нѣкогда „тонцямъ“. Айны даже вполнѣ определено могутъ отличить свои старыя землянки и углубленія, оставшіяся отъ жилищъ тонцевъ. Ямы послѣднихъ глубже, но менѣе, тогда какъ аинскія не такъ глубоки и сравнительно больше. Около озера Тарайки, на песчаныхъ буграхъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ съ перерывами тянутся ямы, приписываемыя айнами тонцямъ. Я сдѣлалъ измѣренія болѣе десятка этихъ выемокъ и получилъ въ среднемъ: глубина $1\frac{3}{4}$ — 2 арш., длина квадратной стороны ямы 6 — 7 аршинъ. Аинскія же ямы не превышали $1\frac{1}{2}$ арш. глубины, но въ окружности имѣли всегда больше.

Другая разница ямъ тонцевъ отъ остатковъ аинскихъ землянокъ та, что сзади послѣднихъ болѣею частью можно встрѣтить ямы конической формы разной величины. Это „той симпуй“ — земляные колодцы, откуда брали землю для покрытия крыши землянки. Чѣмъ дольше живутъ айны въ одной и той же зимней юртѣ, тѣмъ больше обсыпается земли съ ея крыши, и тѣмъ больше вынимаютъ земли изъ колодца, и онъ становится глубже. Есть такие колодцы, имѣющіе до 3 арш. глубины, а окружность отверстія равна 25 арш. Впрочемъ, не у всѣхъ землянокъ, признаваемыхъ айнами за свои, встрѣчаются эти колодцы. Объяснили это мнѣ тѣмъ, что въ случаѣ чьей-либо смерти зимнюю юрту покидаютъ совершенно, и если это случилось въ первый годъ ея постройки, то у большой ямы не останется и слѣда колодца. При постройкѣ вполнѣ достаточно на крышу той земли, которая выкапывается изъ образуемой для землянки выемки.

Впрочемъ, около многихъ ямокъ тонцевъ попадаются такие же конические колодцы. Но происхожденіе ихъ будто бы другое. Нѣсколько поколѣній тому назадъ айны пользовались ямами тон-

цей для специальной ловли орловъ. Въ яму клали приманку, чаще всего мясо свѣжеубитой собаки, и закрывали рогожами и циновками въ видѣ балагана, имѣвшаго отверстіе сверху и сбоку. Черезъ первое сманенный орелъ долженъ былъ спуститься въ приготовленную западню, а второе служило для сообщенія съ другимъ балаганомъ, въ которомъ находился подкарауливавшій человѣкъ. Для него же выкапывалась рядомъ съ готовымъ углубленіемъ новая яма и покрывалась тщательно циновками и травою. Какъ извѣстно промыселъ добыванія орлиныхъ хвостовъ для украшенія стрѣлъ японскихъ самураевъ принималъ когда-то на Сахалинѣ обширные размѣры, и описанное выкапываніе ямъ для подкарауливанія орловъ было будто у айновъ въ большомъ употребленіи.

Айны въ ямахъ тонцей землянокъ своихъ никогда не строили, но не избѣгали сосѣдства съ таковыми. Народъ это былъ чужой, и уваженія къ его остаткамъ питать не считаются нужнымъ. Другое дѣло со своими остатками. Нерѣдко бывали случаи, что айны умершихъ въ землянкѣ не закапывали, а оставляли ихъ въ ней, покидая уже эту могилу совершенно. Но если трупъ и былъ похороненъ на кладбищѣ, то, все-таки, гдѣ разъ завитала смерть, сторонились такой землянки и боялись даже мѣсть къ ней прилежащихъ. Вотъ почему рядомъ съ ямами тонцей могутъ легко попадаться и слѣды устраиваемыхъ въ теченіе вѣковъ жилищъ аинскихъ.

При разспросахъ о тонцахъ, я натыкался въ большинствѣ случаевъ на уклончивые отвѣты, на полное нежеланіе давать распространенные сообщенія, или даже на явную ложь. Такъ, напр., словоохотливые по другимъ вопросамъ старики говорили мнѣ, что слышали отъ своихъ родителей про тонци, но ничего о нихъ не знаютъ; или что тонци были схожи съ айнами, но какъ-то исчезли, а куда дѣвались, никому неизвѣстно; что тонци пользовались каменными топорами, жили въ землянкахъ, но айновъ боялись и убѣжали куда-то; что тонци выглядывали изъ своихъ землянокъ и присматривались къ айнамъ, но лишь только айны приблизятся, то тонци исчезали, и ихъ нельзя было найти и т. п. Наконецъ случилось, что два-три старика мнѣ коротко, но съ видимымъ неудовольствіемъ и нежеланіемъ продолжать на эту тему бесѣду, отвѣчали, что не было никакихъ „тонци“, а на Сахалинѣ жили всегда только айны, здѣсь и родившіеся.

Только въ апрѣль 1904 года, слѣдовательно, послѣ двухъ лѣтъ пребыванія среди айновъ, когда у меня завязались добрыя дружественные отношенія съ этимъ племенемъ, одинъ изъ луч-

шихъ моихъ пріятелей, молодой айно изъ Тарайки, много мнѣ обязанный, объяснилъ мнѣ откровенно причину умалчиванія его соплеменниками о „тонци“. Они дѣйствительно жили на Сахалинѣ раньше айновъ, но послѣдніе скрываютъ обѣ этомъ умышленно. Причина кроется въ боязни, что русскіе, узнавъ о томъ, что айны пришельцы, отнимутъ у нихъ совсѣмъ землю и прогонять съ острова. Старики, поэтому, упорно не позволяютъ говорить кому бы то ни было о тонцахъ и о томъ, что айны не могутъ считать Сахалинъ своею родиной, такъ какъ пріѣхали съ о. Хоккайдо.

То же самое подтвердилъ мнѣ вскорѣ затѣмъ уважаемый всѣми жителями восточнаго берега, даже гиляками и ороками, за правдивость глубокій старецъ изъ с. Найеро. Онъ признался, что вводилъ меня раньше въ заблужденіе, но, убѣдившись въ моемъ добромъ и искреннемъ для айновъ расположениіи, говорить мнѣ правду, не боясь, что я употреблю ее во вредъ его племени.

Я не получилъ точнаго указанія на начало запрета, но онъ для меня вполнѣ ясенъ, и я отношу его ко времени разъѣздовъ по острову первыхъ русскихъ. У Невельского и его сподвижниковъ было стремленіе доказать, что японцы не имѣютъ правъ на Сахалинъ, такъ какъ пришли туда въ недавнее время. Значительно же раньше явились на островъ „русскіе подданные“ ороксы или орочены (т.-е. ороки), которыхъ новые завоеватели считали ошибочно тунгусами, выходцами изъ Удского края, русской территории. Эта политическая цѣль „подтвердить неоспоримое право Россіи на обладаніе территоріей о. Сахалина“¹⁾, выражавшаяся даже въ дѣтскихъ этнографическихъ вымыслахъ²⁾, проводилась, по всей вѣроятности, настойчиво, требовала назойливыхъ разспросовъ при описи береговъ, населенныхъ пунктовъ

¹⁾ Стр. 1304 книги Невельского „Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ“. Спб. 1878 г.

²⁾ Въ той же книгѣ описываются аинскій медвѣжій праздникъ, аинская землянка („тойцзе“, т.-е. той цисе) и приписываются орокамъ, живущимъ и жившимъ тогда въ палаткахъ только въ районѣ Сахалинскихъ тундръ и занимавшимся оленеводствомъ. Приведены тамъ также показанія какихъ-то лоца-орокъ-айну, креоловъ, происшедшихъ отъ скрещиванія русскихъ и удскихъ тунгусовъ и женившихся на туземныхъ аинкахъ,—креоловъ, жившихъ будто въ разныхъ селеніяхъ вперемежку съ чистыми аинами. Никѣмъ болѣе это явленіе не подтвердило. Шренкъ отвергаетъ его совершенно. Мои разспросы и наблюденія убѣдили меня въ томъ, что все эти показанія вымыслены или самимъ Невельскимъ, или лицами, объѣзжавшими въ то время по его порученію берега Сахалина.

и производившихся тогда переписяхъ населенія и несомнѣнно сильно напугала и безъ того взволнованныхъ появлениемъ новаго народа мѣстныхъ туземцевъ. Вѣдь и культурные японцы были обеспокоены, сознавали ясно, что ихъ желають выжить изъ мѣсть, гдѣ они сидѣли не прочно, и устремились тогда же занимать лихорадочно такіе пункты дальше на сѣверъ по восточному, а въ особенности по западному берегу, которыми до того времени они и пользовались.

Періодъ двувластія (японского и русского) на южномъ Сахалинѣ, съ 1854 по 1875 г., развилъ въ айнахъ осторожность и дипломатическую осмотрительность. Когда же, наконецъ, укрѣпились на островѣ одни русскіе, а японцы выѣхали, покинувъ насиженнія мѣста, въ дѣтскихъ умахъ первобытнаго племени тѣмъ сильнѣе упрочилась боязнь за свое собственное существованіе, боязнь лишиться земли отцовъ. Японцы же, полные досады, не щадили словъ для запугиванія айновъ новыми владѣтелями и тѣми порядками, которые они внесутъ въ занятую страну. Вѣдь не даромъ болѣе 800 чел. айновъ покинули островъ вмѣстѣ съ японцами, не отличавшимися тогда по отношенію къ айнамъ большою мягкостью и особеннымъ вниманіемъ.

Тотъ же мой пріятель айно, раскрывшій мнѣ секретъ за прещенія старѣйшинъ говорить о тонцахъ, рассказалъ мнѣ, какъ по тому же вопросу айны с. Найеро обманули нѣсколько лѣтъ тому назадъ одного американского путешественника¹⁾, пріѣхавшаго въ районъ айновъ съ сѣвера Сахалина и разспрашивавшаго о многомъ, между прочимъ и о тонцахъ. Сисъратока, имя этого молодого айна, служилъ при бесѣдахъ переводчикомъ. Когда путешественникъ сталъ допытываться о тонцахъ, то старики заволновались, запретили Сисъратокѣ говорить правду. Не знаю, что записалъ изслѣдователь, но думаю, что, не умѣя говорить по-айнски, онъ не понялъ, что въ его присутствіи произошелъ уговоръ сознательного введенія его въ обманъ.

Преданій о тонцахъ записать мнѣ удалось нѣсколько съ нѣкоторыми варіантами, но въ главныхъ чертахъ они сходятся и представляются въ слѣдующемъ видѣ:

„Когда айны пріѣхали на Сахалинъ, то застали тамъ племя, живущее въ землянкахъ и дѣлавшее горшки изъ земли. Называло оно себя „тонцами“. Они были невысокаго роста, но не совсѣмъ малы, волосы и глаза имѣли черные и не сильно отличались внѣшнимъ видомъ отъ айновъ. Женщины не татуировались

¹⁾ Судя по времени, предполагаю, что это былъ г. Лауферъ.

вались. Платье носили короткое изъ звѣриныхъ шкуръ или изъ маньчжурскихъ матерій; обувь была изъ нерпы. (Ни собакъ, ни олена не держали—варіантъ). Рыбу ловили крючками, а не неводомъ. На соболя петель не ставили, а настораживали на звѣра самострѣлы и ловушки. Тонци ъздили въ лодкахъ, похожихъ на теперешнія, гилякскія, въ Маньчжурію и привозили оттуда маньчжурскіе товары, между прочимъ бѣлую, тонкую матерію, называемую „пара поусь“, т.-е. широкая матерія (нѣчто въ родѣ марли). Отъ нихъ айны узнали дорогу въ Маньчжурію. Тонци были вороваты и особенное пристрастіе имѣли къ аинскимъ женщинамъ, которыхъ увлекали къ себѣ, но еще чаще (впрочемъ, только на сѣверѣ) насиловали и убивали. Это прощать айны уже не могли и время отъ времени съ тонцами воевали. Хотя жившіе по сосѣдству ходили другъ къ другу въ гости, но тонци клали тогда передъ собой ножи, а айны поворачивали пояса съ ножами такъ, что тѣ приходились какъ разъ на колѣняхъ, и были все время насторожѣ. Вражда и войны съ айнами заставили тонцевъ удалиться, и они уѣхали на своихъ лодкахъ съ острова“. Сѣверяне увѣряютъ, что тонци поѣхали на востокъ, отчаливъ съ мыса Терпѣнія (по-аински Сирэтоко), возлѣ котораго имѣются обильные слѣды жилищъ тонцевъ. Южане менѣе утверждительно говорятъ объ исчезновеніи тонцевъ: въ горы ли ушли, или за мора уѣхали — не знаютъ-де, только ихъ не стало. Было ихъ много,—больше, чѣмъ теперь аиновъ на Сахалинѣ. Относительно мѣстности Тунайчей, напр., сохранилось преданіе, что тамъ жило 120 тонцевъ („иван гоц“), въ Айрупо жило ихъ еще больше—160. Вообще же за обиліе оставленныхъ порытыхъ ямъ называютъ тонцевъ еще „сирукур вэндэ камуи“—т.-е. „поверхность земли испортившій народъ“.

Нѣсколько аиновъ увѣряли меня, что тонци теперь прѣезжаютъ съ американцами на Тюленій островъ для ловли котиковъ и что тамъ видѣли тонцевъ айны, ъздавшіе на островъ на лодкахъ въ периодъ охоты. Извѣстно, что съ недавнихъ поръ для этой цѣли компанія, арендующая котиковый промыселъ на Тюленѣемъ и Командорскихъ островахъ, привозить съ послѣднихъ поселенныхъ тамъ алеутовъ. Слѣдовательно, алеуты припомнили айнамъ сохранившееся по преданіямъ представление о виѣшности тонцевъ.

Дважды довелось мнѣ слышать преданіе, что и тонци не были первыми людьми, жившими на Сахалинѣ. До нихъ жили будто крылатые люди „рах коро айну“. „Было тогда тепло рассказывать мнѣ одинъ старецъ, и домовъ эти крылатыя су-

щества не строили, платья никакого не носили. Зимы не были суровы, и хотя и выпадал снегъ, но люди его не боялись и жили подъ деревьями. Кругомъ ихъ снегъ оттастъ, и въ промежуткахъ между снегомъ и деревомъ искали себѣ пристанища. Охотились они на всякаго звѣря, догоняя его на крыльяхъ. Никакое животное не могло ускользнуть изъ рукъ. Такъ много убивали они при охотѣ животныхъ и морскихъ и лесныхъ, что Богъ решилъ наказать людей и обрѣзть имъ крылья. Съ этого времени охота стала затруднительна, но звѣрь сталъ переводиться въ меньшей степени, и поэтому онъ существуетъ до нынѣшняго дня”.

Про тѣхъ же крылатыхъ людей передаютъ слѣдующее:

„Стан лебедей перелетали надъ головами людей съ крыльями на сѣверъ и потомъ обратно на югъ и тихо кричали при этомъ ко-ко-ко. Позавидовалъ имъ одинъ изъ людей и сталъ просить лебедей взять его съ собою, такъ какъ и онъ имѣть крылья, а здѣсь ему скучно оставаться на одномъ мѣстѣ. Лебеди его приняли, улетѣть человѣкъ, и съ этихъ поръ въ стаѣ лебедей каждую весну и осень слышать одинъ пискъ крикъ „ко-ко“ летающаго человѣка”.

Сахалинскіе айны слышали про „коропок-унку“, которые жили подъ широкими листьями рувэ кина (*Petasites Japonica*), по шести человѣкъ подъ однимъ листомъ, по всѣ согласно утверждаютъ, что племя этихъ малыхъ людей жило на о. Хоккайдо, а не на о. Сахалинѣ.

Про тонци слышаль я отъ айновъ въ двухъ мѣстностяхъ о. Хоккайдо. Въ с. Сиравой, недалеко отъ Морорана, я допытывался, несть ли каменныхъ трубокъ, которыя я встрѣчалъ на Сахалинѣ, и мнѣ отвѣтили айны, никогда не бывавшіе на Сахалинѣ, что это, должно быть, „тондзен камуи коропэ“, т.-е. вещь народа тондзи, а на Хоккайдо трубокъ этихъ вовсе не водится. Даже и нѣкоторые Сахалинскіе айны мнѣ поясняли, что эти „сюма кисири“ (каменные трубы)—издѣліе тонцей и единственный предметъ ихъ, которымъ айны пользуются.

Другой разъ про тонци рассказалъ мнѣ слѣдующее старшина с. Пиратори, извѣстный многимъ путешественникамъ Пэнри: „Тондзин-рэпун куру, санта котан-ун гуру“, т.-е. тонци—народъ, живущій за моремъ, въ землѣ, гдѣ живутъ санта (т.-е. ольчи-мангуны). На Хоккайдо тондзи никогда не жили, но ихъ венцы айны привозили съ Сахалина въ Сою. Пэнри въ 1870-хъ годахъ бывалъ съ партіей айновъ изъ Сару на японскіе рыбные промыслы на Сахалинѣ и тамъ у одного старшины с. Руре-

промѣнялъ свою японскую саблю, стоившую 10 іенъ, на саблю „тондзин“ и ее вновь вымѣнялъ съ другимъ айномъ. Вообще сабель тондзинскихъ не много теперь на Хоккайдо“.

Изъ этого рассказа я могъ понять, что шла рѣчь о сабляхъ, привозившихся изъ Маньчжуріи, и что название „тондзин“ сохранилось при нихъ только потому, что „тонци“ первые привозили айнамъ предметы маньчжурского произведения.

Я привожу здѣсь списокъ тѣхъ мѣстъ на Сахалинѣ, гдѣ, какъ мнѣ известно, имѣются слѣды жительства тонцевъ.

A. По западному берегу.

1. Нѣсколько южнѣе бывшаго с. Сирануси (Де-Прерадовичъ. Этнографический очеркъ южнаго Сахалина. 13 стр.).
2. Въ 8-ми верстахъ къ сѣверу отъ с. Сирануси. (По словамъ рыбопромышленника г. Демби).
3. По р. Тэй выше рыболовнаго морскаго промысла. (Мнѣ принесли оттуда работавшіе на промыслѣ работники два каменныхъ топора, отданные во владивостокскій музей Общества Изученія Амурскаго Края).
4. Возлѣ с. Поро-Томари, что немного сѣвернѣе Мауки. (По словамъ промышленника г. Семенова, давшаго мнѣ оттуда топоръ каменный, отосланный въ музей Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ).
5. Въ Око-Томари, недалеко отъ Мауки, на площади, прилежащей къ берегу моря. (Найдено тамъ было каменное долото, по словамъ рыбопромышленника г. Семенова).
6. Большиe четырехугольные валы по р. Маукѣ, немного выше промысла. (По словамъ г. Демби).
7. Такие же около Кусуная. (По словамъ г. Демби).
8. Долина р. Дуйки. (Поляковъ. Отчетъ объ изслѣдованіяхъ на Сахалинѣ).
9. Долина р. Александровской.
10. Прибрежныe дюны между с. Биахту и с. Помръ. (Раскопки Л. Я. Штернберга. Сахалинскій календарь 1897 г. 177 стр.).

B. Въ Анивскомъ заливѣ.

1. При устьѣ р. Сусуи. (Поляковъ. Отчетъ объ изслѣдованіи Сахалина. 19 стр.).
2. Около селенія и озера Чиписани. (Завѣдывавшій устроен-

ною здѣсь тюремною лѣсопилкою надзиратель Лаксъ собралъ много каменныхъ орудій и отдалъ ихъ посѣщавшему Сахалинъ естествоиспытателю П. Ю. Шмидту).

3. Постъ Корсаковскій. (Найденъ каменный клинъ. Каталогъ сахалинского музея. Сахалинскій календарь 1897 года, стр. 176).

С. По восточному берегу.

1. Около с. Айрупо (Сусунай). |
2. Около с. Тунайчи. } (По словамъ айновъ).
3. Около с. Дубковъ (Сусунай). }

4. Около с. Серароко. Возлѣ одной изъ ямъ былъ найденъ цѣлый горшокъ, доставшійся промышленнику Крамаренко. Послѣдній подарилъ его затѣмъ сахалинскому музею. Я копалъ тамъ же нѣсколько разъ, но находилъ одни черепки, которые отославъ въ музей Академіи Наукъ.

5. Въ 2 верстахъ ниже поста Найбучи, при озерѣ Лебяжьемъ. (Де-Прерадовичъ. Этнogr. очеркъ южнаго Сахалина, 10 стр.).

6. Возлѣ с. Могункотанъ. (Лопатинъ. См. Шренкъ, „Амур-скіе инородцы“. Т. II, стр. 142).

7. Около с. Сирутуру.

8. По р. Нитуй, нѣсколько верстъ отъ устья.

9. По р. Котанкесъ, въ 4 вер. и въ 6 верст. отъ устья.

10. Отъ с. Котанкеся къ югу въ 3—4 вер. отъ морского берега у овраговъ или совершенно мелкихъ рѣчекъ на большомъ протяженіи.

11. Около с. Томарикесъ (оно же Найеро).

12. По Черной рѣчкѣ, по-айнски Ут-най, притоку Пороная. Здѣсь найдено много каменныхъ орудій и горшокъ бывшимъ начальникомъ округа Бѣлымъ и купцомъ Ларіоновымъ. (По словамъ послѣдняго).

13. За аинскимъ с. Тарайкой и вдоль озера Тарайки. (Лопатинъ, Поляковъ. Собранные здѣсь мною черепки оставлены мною передъ выѣздомъ съ острова у одного айна с. Найеро).

14. Возлѣ м. Терпѣнія.

15. Сѣвернѣе м. Терпѣнія вдоль Охот-скаго моря (называемаго айнами Карерь).

16. Около с. Найво, въ Найскомъ заливѣ.

17. Около с. Чайво.

(По словамъ айновъ).

(По словамъ айновъ).

(По словамъ гиляковъ).

D. Внутри о-ва въ долинѣ р. Тыми.

1. За с. Рыковскимъ по дорогѣ въ с. Налево на поляѣ была вытахана большая каменная стрѣла. Жена крестьянина Шермукшина сохранила ее, считая ее спущеною съ неба и приносящею счастье.

2. На сѣверѣ отъ с. Рыковскаго въ 4—5 верстахъ по дорогѣ въ с. Дербинское при постройкѣ дороги были выкопаны каменное долото и топорикъ, которые взялъ себѣ для точенія ножей одинъ изъ работавшихъ и затѣмъ потерялъ. Полянку, которую мнѣ указали, какъ мѣсто нахожденія вещей, обсѣвали ежегодно, копать было невозможно, но на поверхности я находилъ много кремневыхъ осколковъ.

3. Около с. Славо, по дорогѣ, ведущей отъ русскаго поселка въ гилякское село того же названія. Жители нашли тамъ каменный топоръ, который передали смотрителю поселеній Э. К. Безаису.

4. Около русскаго поселка Адо-Тымъ на холмикѣ. (По словамъ гиляковъ).

Въ заключеніе я не могу не остановиться на тѣхъ мотивахъ, которые укрѣпляютъ во мнѣ мнѣніе, что неизвѣстное сейчасъ племя „тончей“ дѣйствительно когда-то на Сахалинѣ существовало и что нельзя его смѣшивать съ племенемъ айновъ.

Въ настоящее время считается фактомъ вполнѣ доказаннымъ, что айны заселяли когда-то всю Японію и что на сѣверѣ вообще и на Сахалинѣ въ частности были вытѣснены напоромъ разроставшагося и входившаго въ силу японскаго народа. Слишкомъ мало правдоподобнымъ покажется предположеніе, что, удаляясь на сѣверъ, айны занимали мѣста, гдѣ человѣкъ до нихъ еще вовсе не появлялся. Тѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ допустить, что айны, еще не тревожимые пришельцами, занимали одновременно такія разнородныя территории, какъ жаркий роскошный югъ Японіи и холодный, угрюмый Сахалинъ. Напротивъ, помимо прямыхъ указаній айновъ, что на Сахалинѣ они перѣхали съ занятаго ими прежде Хоккайдо, много данныхъ подтверждаютъ взглядъ, что айны попали съ теплыхъ районовъ на суровый островъ въ сравнительно недавнее время. Языкъ айновъ, богатый въ гласныхъ, не менѣе японскаго, выговариваемыя ясно, отчетливо, образуетъ изъ рѣчи музыку, полную мелодіи и

звучности — а это встречается лишь у народовъ юга, быстро схватывающихъ впечатлѣнія и такъ же живо старающихсяъ ихъ выразить, избѣгая всего, что могло бы тому помѣшать. Затѣмъ типъ національного платья: халатъ съ открытыми шеей и грудью показываетъ, что морозы и холодные вѣтры Сахалина не были знакомы отдаленнымъ предкамъ айновъ. Гиляки передавали мнѣ сохранившееся у нихъ преданіе, что при первомъ соприкоснovenіи съ айнами гиляки были поражены отсутствиемъ въ костюмѣ первыхъ штановъ, и что эта часть платья была перенята затѣмъ племенемъ волосатыхъ южанъ у гиляковъ.

Могло, однако, случиться, что айны передвинулись въ сѣверный районъ теперешняго своего жительства, когда еще не вышли изъ уровня, на которомъ находились народы каменного периода, и что только потомъ, познакомившись съ желѣзомъ, забросили свои кремневыя орудія. Совершенно невозможнымъ это считать нельзя. Но все-таки приписать айнамъ остатки подземныхъ юртъ, каменные орудія и обломки глиняной посуды, встречаляемые въ такомъ изобиліи на Сахалинѣ, очень трудно. Слѣдовало бы прежде всего объяснить причину исчезновенія у айновъ знанія производства глиняной посуды. Правда, Шренкъ полагаетъ, что гиляки забросили горшечное производство, перенятое ими въ недавнее время отъ культурныхъ сосѣдей, благодаря враждебному дѣйствію маньчжуро-китайского правительства. Но онъ же утверждаетъ, что это производство, о которомъ будто говорить Маміа-Ринсо, не имѣть ничего общаго съ глиняными черепками, находимыми на Сахалинѣ возлѣ ямъ „тончей“. Черепки эти, какъ и такие же, выкапываемые въ разныхъ мѣстахъ Амурскаго Края, по мнѣнію этого ученаго, „принадлежать къ глубокой древности, такой глубокой, что она не имѣть никакой этнологической связи съ настоящимъ временемъ“¹⁾.

Нигдѣ еще на Сахалинѣ не найдено среди указанныхъ остатковъ человѣческихъ костей, что дало бы возможность сличать ихъ съ костями нынѣ живущихъ айновъ. Впрочемъ, и этотъ аргументъ за или противъ не былъ бы достаточно убѣдителенъ. Въ Японіи, напр., ученые раздѣлились на два лагеря по вопросу, признать ли существованіе доисторического племени, оставившаго по всей Японіи богатые слѣды культуры каменного вѣка, или же приписать ихъ предкамъ айновъ. Сторонники первого, главъ съ профессоромъ Цубои, и другого лагеря, съ профес-

¹⁾ Л. Шренкъ. „Объ амурскихъ инородцахъ“. Т. II, стр. 141.

сопромъ анатоміи Коганэй во главѣ, въ числѣ своихъ доказательствъ выставляютъ, между прочимъ, одни—разницу въ частяхъ скелета человѣка каменного периода въ Японіи и современныхъ айновъ, другіе—сходство или возможность измѣненій костей въ теченіе пѣлаго ряда протекшихъ съ того далекаго времени столѣтій ¹⁾.

Сравненіе добываемыхъ остатковъ каменного вѣка на японскихъ островахъ Ниппонѣ и Хоккайдо показало, что на послѣднемъ периодѣ каменный былъ позже, чѣмъ на первомъ. Отсюда проф. Цубои выводитъ, что „коропок-гуру“, признаваемые имъ за владѣтелей этихъ остатковъ, подвигались съ юга на сѣверъ. Можетъ-быть, ожидаемыя изслѣдованія японскихъ археологовъ, собиравшихся предпринять пѣлый рядъ поѣздокъ на полученную недавно вновь японцами южную часть Сахалина, дадутъ материалъ для гипотезы, что коропок-гуру, которыхъ проф. Цубои отыскиваетъ въ нынѣ живущихъ эскимосахъ, перѣхали изъ Хоккайдо на Сахалинъ и затѣмъ уже очутились далеко на сѣверѣ.

Если же сравненіе каменныхъ орудій, черепковъ и ямъ „тонцей“ съ подобными остатками на Хоккайдо покажетъ, что между обладателями послѣднихъ и тонцями нѣтъ ничего общаго и что путь коропок-гуру лежалъ во всякомъ случаѣ не черезъ Сахалинъ, то останется еще вѣроятное другое предположеніе, что жители каменного вѣка на Сахалинѣ и въ Амурскомъ краѣ были одного и того же племени.

Это предположеніе высказалъ впервые знатокъ Амурскаго края Ф. Ф. Буссе въ своей статьѣ: „Остатки древности въ долинахъ Лефу, Даубихэ и Улахэ“ ²⁾.

Сопоставляя видѣнныя имъ самимъ землянки по р. Лефу, Надаровымъ по р. Хору, съ описаніями Полякова и Лопатина на Сахалинѣ, Буссе склоненъ былъ думать, что первобытные жители Сахалина принадлежали къ одной семье народовъ съ племенемъ Илэу, частью Сушеньскаго народа, тунгусского племени, которыхъ онъ, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ у Гакинфа, считаетъ строителями землянокъ въ Маньчжуріи и Уссурійскомъ краѣ.

¹⁾ Dr. Koganei. Ueber die Urbewohner von Japan. Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. Tokyo, 1903. Band. IX. T. 3.

²⁾ Записки Общества изученія Амурскаго края. Т. I. Владивостокъ, 1888 г.

Судя по нѣкоторымъ цитатамъ изъ китайскихъ историковъ, приведеннымъ у Іакинфа, „племя Илэу обитало въ горахъ и лѣсахъ, любило особенно нагорные мѣста, жило въ ямахъ, вооружено было луками и стрѣлами, наконечники которыхъ были каменные и смазывались ядомъ. Илэу жили охотою и рыболовствомъ, отличались воинственностью, и сосѣди ихъ постоянно страдали отъ ихъ набѣговъ на сушѣ и на водѣ“.

О тѣхъ же Сюшенахъ, подъ именемъ Сосинъ (по другому японскому чтенію скунинъ) упоминается въ одной изъ старѣшихъ японскихъ лѣтописей, называемыхъ „Удзидинэ моногатали“.

Въ одной старой японской книжѣ, название которой сейчасъ, къ сожалѣнію, привести не имѣю возможности, мнѣ перевелъ знакомый японецъ слѣдующее: „Сосинъ ъздили по берегамъ о. Хоккайдо съ торговыми цѣлями. Сосинъ постоянно кочевали по восточной Тартаріи и приѣзжали на Іезо съ желаніемъ завести торговлю, но обычаи ихъ совершенно другіе, чѣмъ у іезо (т.-е. айновъ)“.

Про айновъ, насколько мнѣ известно, въ японскихъ памятникахъ нигдѣ не упоминается, что они пользовались каменными орудіями. Также и у самихъ айновъ нѣть никакихъ о томъ преданій. Между тѣмъ, кое-гдѣ на востокѣ Азіи каменный періодъ былъ очень поздній. Такъ, Палладій находитъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, что онъ продолжался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Уссурійского края и Маньчжуріи до XI столѣтія.

Пока не будутъ проведены солидныя сравнительныя изслѣдованія остатковъ каменного века Амурского края, Сахалина и о-вовъ Японіи и сличены преданія разнообразныхъ племенъ, населяющихъ востокъ Азіи, что поведетъ къ утвержденію однѣхъ гипотезъ и опроверженію другихъ, я вполнѣ склоняюсь къ изложенному выше взгляду Буссе, что „тонци“ на Сахалинѣ были однимъ изъ племенъ упомянутаго Сушенъского народа.

Б. Пилсудский.